

Г.В. Сарина

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В КИТАЕ*The article tells about the history of gender researches
in social sciences in modern China.*

С началом проведения политики реформ и открытости в Китае произошли глобальные изменения. Модернизация КНР представляет собой сложный и длительный процесс трансформации политических, экономических институтов и гражданских структур, а также всего комплекса отношений между ними, которые возникают и совершенствуются в интересах поддержания стабильности политической системы, обеспечения устойчивого экономического роста, повышения эффективности работы государственного аппарата.

Заключительные полтора десятка лет истекшего века характерны также значительными переменами и в научно-исследовательской деятельности. В Китае появляются новые направления исследований, и одним из них становится женская история, женские исследования. Под термином «женские исследования» понимается возникшее в результате феминистской теории в 70-х гг. XX в. в США новое направление в социальных и гуманитарных науках. Целью женских исследований становится переосмысление культуры, общества и самой науки с точки зрения женщин («глазами женщин») – в отличие от предыдущей научной традиции все оценивать и анализировать с «мужской точки зрения».

В Китае женская история становится областью социальной истории с середины 1980-х гг. В 1983 г. основатель женских исследований Ли Сяоцзян опубликовала статью «Прогресс человечества и освобождение женщин» (人类进步与妇女解放), ставшую первой научной публикацией в КНР на тему гендерных исследований. Спустя два года была основана первая профессиональная организация «Ассоциация женских исследований», а через несколько лет в Чжэнчжоу прошла первая научная конференция, посвященная проблеме женских исследований. С этого момента развитие исследований в области гендера приобрело постоянный характер и впоследствии многократно усилилось.

Основными источниками, которыми пользовались историки при написании трудов о женщинах, на протяжении многих лет были лишь официальные исторические книги. В этих династийных историях были главы об императрицах либо императорских наложницах. При обсуждении проблем использования данных источников Сюзан Манн (известный специалист по вопросам гендера в Китае, профессор Калифорнийского университета UC Davis) указывала, что подобные «биографии писались историками-мужчинами, и невозможно понять, о чем сами женщины думали и во что верили» [1, с. 37].

Развитие социальной истории в Китае открыло для исследователей новые виды источников. Некоторые ценные сведения можно найти в литературе (стихи, романы, дневники, народные песни), архивах (например, брачные договоры). В изобразительном искусстве. Эти источники, содержащие информацию об общих условиях жизни женщин в Китае, прежде в большинстве случаев исследователями игнорировались. В последние годы китайские историки сделали огромные усилия по сбору первичных источников различного типа и их использованию для изучения женской истории. Книга Дин Ичжуан «Последние воспоминания: устные истории шестнадцати маньчжурских женщин» (The last memories: the oral history of 16 Manchu women) и монография Ли Сяоцзян «Пусть голос женщин будет услышан» (Let women's voices be heard) являются отличными примерами подборки первоисточников в виде личных интервью. Эти книги основаны на интервью с женщинами из

различных социальных слоев; также здесь предоставлена ценная информация о том, что женщины чувствовали и что испытывали в условиях доминирования мужчин. В книгах Го Сун'и «Этика и жизнь: брачные отношения в династии Цин» (论理与生活: 清代的婚姻关系) и Ван Юэшэн «Исследование брака и семьи в Китае XVIII века» (十八世纪中国婚姻家庭研究) использовано огромное количество архивов и личных записей периода Цинской династии. Эти книги показывают, что в последнее время в женских исследованиях за основу берутся те источники, которые могут предоставить информацию, отсутствующую в официальных документах.

С недавнего времени прослеживается тенденция, направленная на то, чтобы проблема женских исследований стала рассматриваться исключительно с точки зрения женщины. Отличным примером этого служит книга Дин Ичжуан «Исследование жизни и моделей брака маньчжурских женщин» (满族的妇女生活与婚姻制度研究). Опираясь на авторитетные исторические источники из маньчжурских архивов, эта книга объясняет все изменения в жизни женщин с женской точки зрения автора.

Еще одной проблемой для китайских ученых в области гендерных исследований является факт оценки и признания тенденции к «академической глобализации». Женские исследования в Китае в сравнении с аналогичными, проводимыми в США и Западной Европе, а также на Тайване, пока еще развивающаяся область науки. «Открытие» Китая в 1980-х гг. стало прекрасной возможностью для китайских ученых в познании новых методик и расширении собственных теоретических знаний в сфере гендерных исследований. Как результат, в Китае практически весь понятийный аппарат по данной тематике имеет «западное» происхождение (например, «феминизм», «постструктурализм» и т.д.). Кроме того, наиболее выдающиеся современные исследователи феминизма в КНР получили образование и приобрели необходимую теоретическую базу за рубежом. Их исследования являются широко признанными среди китайских ученых, которые понимают, что сочетание национальной традиции в историографии и новых теорий и подходов в изучении роли женщины в истории могут быть весьма полезны для развития движения китайских женщин в XXI в.

Вместе с тем все большее внедрение «западных» теорий вызывает беспокойство у китайских исследователей по поводу так называемой «колонизации теорий» (理论殖民化). Они утверждают, что в области изучения китайской истории необходимо учитывать «китайскую аборигенность» (本土化). А в гендерных исследованиях это приобретает особое значение. Поскольку положение китайских женщин отличается от положения женщин на Западе, некоторые термины и структуры не могут быть применены к Китаю. Например, термин «гендер», широко используемый в «западных» работах, не имеет фиксированного китайского эквивалента. Как утверждают некоторые китайские исследователи, у термина «шэжуй синбе» (社会性别), впервые употребленного в Китае в 1993 г., несколько иное значение, отличное от западного «social sex» [2].

В одной из своих статей Ли Сяоцзян указывает, что китайские ученые «уважают базовые «западные» феминистские теории, но тем не менее они считают, что женские исследования в Китае имеют свою предысторию и уникальные обстоятельства. Западные феминистские теории, безусловно, представляют собой ценный материал, но западные женские традиции вряд ли могут стать единым стандартизированным ответом на все вопросы китайских женщин» [3].

Уникальность женских исследований в Китае состоит в том, что согласно им все китайские женские движения в

истории были «мужски-ориентированы», и в большинстве случаев руководились мужчинами, а женщины рассматривались как «пассивные объекты», которые нуждаются в освобождении. Таким образом, у китайских женщин отсутствует чувство собственной репрезентации, а присутствует осознание себя в качестве «жертв».

«Теоретическая колонизация» была одной из основных тем на конференции 2002 г., посвященной вопросам развития гендерных исследований в Китае, а после этого стала широко дискутироваться в научных кругах. По мнению критиков, когда некоторые китайские исследователи возвращаются из-за рубежа, они начинают игнорировать различия в положении женщин в Китае и на Западе. Это заставляет китайских ученых беспокоиться о будущем китайской женской истории.

Ли Сяоцзян отмечает: «Самая большая беда в том, что наша история в настоящее время интерпретируется иностранцами так, как им это заблагорассудится. Если наша история определяется другими людьми в их рамках, то вся история нашей страны и народа вызывает сомнение. Конечно, они не меняют порядок правления династий в нашей истории. То, что они делают, так это «забирают дрова из-под котелка» – т.е. учат наших мужчин и женщин и переписывают содержание нашей истории. Когда голос других становится стандартным языком и мы без сомнения используем его для изучения собственной истории, мы легко можем стать «аутсайдерами» на собственной земле [3].

Несмотря на большое количество проводимых исследований, в качестве новой области социальной истории женская история в Китае все еще находится в зачаточном состоянии. Есть, по крайней мере, два момента, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Во-первых, текущие работы по женской истории, особенно касающиеся периодов, предшествующих настоящему, в первую очередь сосредоточены на семейной жизни, браке, деторождении и сексуальных отношениях. Несомненно, это важные со-

ставляющие жизни женщин, однако изучение их социальной роли не должно ограничиваться только интимными моментами. Должна изучаться роль женщины в обществе в целом. А во-вторых, некоторые исследователи в своих работах по-прежнему используют «китаецентричный» подход и игнорируют этнические различия среди населения Китая. Как и другие социальные группы, женщины в Китае не являются «монолитом». При изучении китайских женщин в истории следует понимать и рассматривать их в этническом разнообразии. Женские индивидуальности и поведение могут быть весьма различными в зависимости от этнической принадлежности и социального статуса. Так, практика бинтования ног использовалась в основном только в ханьском этносе, в то время, как монголы, тибетцы, хмонги не прибегали к данному обряду. Ханьские женщины отличались от женщин национальных меньшинств и во многих других отношениях, в том числе по положению в семье, роли в общественном производстве, браке, в отношениях между полами и т.д. Таким образом, развитие женского исследования в Китае должно быть основано на глубоком понимании китайской истории и культуры, первоисточников, а также правильном и умеренном восприятии новых теорий и методологий.

1. Susan Mann. Precious Records: Women in China's Long Eighteenth Century. –

Stanford University Press, 1997.

2. Wang Zheng. Research on Women in modern China / ed. Susan Mann, and Lisa Rofel. – University of California Press, 1998.

3. Shuo Wang. The «New Social History» in China: The Development of Women's History // The history teacher. – 2007. – Vol. 39, № 3. – URL: <http://www.historycooperative.org/journals/ht/39.3/wang.html>.

4. Women in Modern China: From Iron Maiden to Super Model // China and the Future of the World. – University of Chicago International House, 2006.

5. Чжунго фунюи яньцзю ши нянь (1995 – 2005) : хуйин «Бэйцзин синдун ганлин». Бэйцзин. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2005. (Обзор исследования положения китайских женщин за 10 лет, 1995 – 2005). – Пекин: Изд-во «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ», 2005.

И.Е. Чернышев

ЗНАЧЕНИЕ АДЕКВАТНОГО ПОНИМАНИЯ ОТДЕЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОВОДА ИЛИ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА ПРИ РАБОТЕ ЖУРНАЛИСТА В КИТАЙСКОЙ СРЕДЕ

This article is devoted to the challenges that are met by Russian journalist while working in the Chinese surrounding. It touches the main organizational, ideological, administrative and behavior principals of the Chinese society structure.

Говоря о современном состоянии регионального телевидения, акад. В.В. Егоров утверждает: «Регионализация вещания – одна из главных тенденций развития современного телевидения, суть которой состоит во всемерном росте и укреплении государственных, муниципальных, частных, коммерческих и кабельных телестудий на местах. От централизации к региональному вещанию – общий путь развития телевидения во многих странах. Местное, или региональное, телевидение может более точно учитывать особенности региона, национальный образовательный, возрастной состав аудитории, привлекать к передачам людей, использовать факты и явления, которые житель района, города порой знает лично. Все это делает местное телевидение более доступным, понятным, полезным конкретной аудитории, чем центральные программы. Регионализация телевидения неразрывно связана с

распространением национальной культуры, самобытности народного творчества и народных традиций населения конкретного района» [2, с. 56].

Согласимся со столь авторитетным мнением. Однако геополитическая реальность существования в Дальневосточном приграничном регионе вынуждает нас дополнить цитату следующим образом: «регионализация телевидения неразрывно связана с распространением национальной культуры, самобытности народного творчества и народных традиций населения конкретного района», а также с ознакомлением жителей российского приграничья с национальной культурой, самобытностью народного творчества и народных традиций населения сопредельного государства КНР.

Исследователи телевидения Э. Багиров и И. Кацев еще в 1968 г. заметили, что «как бы подробно и всесторонне ни отражала центральная программа жизнь страны, она никогда не может охватить всего, да и не должна, ибо многое представляет интерес лишь для части аудитории. Поэтому местные программы служат как бы дополнением центральной, раздвигая панораму жизни за счет более подробного отражения событий и проблем данной местности». [1, с. 44-45]. Это мнение с особенной очевидностью подтверждается в информационной и публицистической деятельности журналистов российского дальневосточного приграничья вообще, журналистов Приамурья в особенности. Действительно, пограничное и таможенное законодательства РФ и КНР, общественно-политическая ситуация в Китае для жителя центральной России – вещи весьма абстрактные. Для жителей же Приамурья, на выходные и праздничные дни во множестве выезжающих в